ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1994 г., ЭО, № 1

Л. С. Перепелкин

ЧЕЧЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА: СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ*

Чеченская Республика представляет собой во многом уникальное явление на российской политической арене. Речь идет не о том, что в ней протекают социально-политические процессы, которые не характерны для других республик и регионов Российской Федерации. Наоборот, уникальность Чеченской Республики как раз в том и заключается, что в ее политических границах ряд общих для всех регионов страны тенденций приобрел законченное, иногда даже доведенное до абсурда выражение. Здесь чрезвычайно велика концентрация политических событий, принимающих зачастую самые радикальные формы.

После августовского путча 1991 г. к власти в республике неконституционным путем пришел Исполком общенационального конгресса чеченского народа (ИК ОКЧН). Верховный совет Чечено-Ингушской Республики был распущен (повод — поддержка ГКЧП, коррупция) и создан временный орган власти — Высший совет, оппозиционный Исполкому. Вслед за этим была провозглашена Чеченская Республика, в состав которой не вошла ингушская часть территории.

К сожалению, политика российского руководства оказалась не адекватной ситуации. Непризнание антиконституционного переворота, проведенного ИК ОКЧН, сочеталось с методами силового давления на республику. Так, по распоряжению вице-президента России А. В. Руцкого 4 ноября 1991 г. был создан Оперативный штаб по кризисной ситуации в Чечено-Ингушской Республике. 7 ноября распоряжением Президента России Б. Н. Ельцина в республике было введено чрезвычайное положение. Вскоре было принято решение об отправке в Чечено-Ингушетию войск с целью разоружения местного населения и «наведения порядка». Предпринятые меры привели к обратному результату — сплочению всего народа против российской агрессии и поспешному избранию президентом республики Д. Дудаева. «Чеченской революции» оказали поддержку Ассамблея (Конфедерация) горских народов Кавказа, а также зарубежные чечено-ингушские общества (например, общество «Вайнах» в США).

Ближайшим следствием неуклюжих действий российского руководства стали все увеличивающаяся конфронтация между Россией и Чечней, нападения на российские воинские части в республике с целью захвата оружия (эти части были выведены в 1992 г.), резкое ухудшение криминогенной обстановки в Чечне. Последнему способствовала и широкая раздача оружия населению, проведенная руководством Дудаева осенью 1991 г., а также факт освобождения из ИТУ республики заключенных. Предпринятые позднее попытки Д. Дудаева обеспечить сдачу населением оружия не принесли успеха.

---

* В основу статьи положено выступление автора на конференции «Россия и Чечня», проведенной Российским центром стратегических и международных исследований (г. Москва) и Центром кавказских исследований (г. Грозный). Конференция проходила 7—9 июля 1993 г. в Москве. Нами учтены также мнения выступавших на этой конференции российских и чеченских специалистов.

Эта ситуация, конечно, не могла не внушать опасения общественно-политическим движениям Чеченской Республики. Так, в марте 1992 г. состоялось заседание блока общественных организаций «Круглый стол» (Вайнахская демократическая партия, Общенациональный конгресс чеченского народа, Этнический совет, Независимый союз женщин, Союз учителей, Комитет по правам человека и др.). Было принято обращение к чеченскому парламенту и президенту с требованиям разоружить незаконные (не входящие в национальную гвардию) вооруженные формирования и принять закон об экономической концепции развития республики.

Существует и прямая оппозиция Д. Дудаеву. Впрочем силы ее достаточно разнородны и оппозиция в целом не имеет единых политических целей. Весной 1992 г. в республике была осуществлена неудачная попытка переворота. (Трудно определить, насколько она была инспирирована Москвой и какова роль российских спецслужб в развитии событий в Чеченской Республике). К зиме 1992—1993 г. наметились серьезные трения между исполнительной и законодательной ветвями власти республики, причиной которых, насколько можно судить, являлось различие во взглядах на основы чеченской государственности (президентская или парламентская республика), а также на характер чеченско-российских взаимоотношений (Д. Дудаев и его окружение разделяют радикальную антироссийскую позицию). Впрочем, проведенный в феврале 1993 г. опрос показал, что значительная часть населения склоняется к варианту Конституции, предложенному Д. Дудаевым. (Отметим, что позицию Дудаева подверг критике член парламента Чеченской Республики Председатель парламента Конфедерации народов Кавказа Ю. Сосланбеков.) Следует оговорить, что стороны, участвующие в политическом конфликте в Чечне, и не ставят вопрос о возможности «возвращения» республики в состав Российской Федерации. Республиканские опросы показывают, что большинство населения выступает за полную независимость [1].

В марте 1992 г. в Сочи (туркомплекс «Дагомыс») состоялась встреча экспертов России и Чечни, имевшая целью начать переговорный процесс. Но эта встреча не принесла сколько-нибудь ощутимых результатов, так как чеченская сторона заявила, что первоочередным и главным на переговорах должен быть вопрос «О признании политической независимости и государственного суверенитета Чеченской Республики». Одновременно чеченское руководство распространило заявление, фактически сводившееся к возможности введения республикой собственной валюты.

Следующий тур переговоров, причем организованных весьма неожиданно даже для тех, кто следит за развитием ситуации в регионе, состоялся в январе 1993 г. в Грозном. Непонятно, кто выступил их инициатором. С российской стороны в переговорах участвовали вице-премьер, председатель Госкомнаца С. Шахрай и председатель Совета Национальностей российского парламента Р. Абдулатипов, а с чеченской — парламентская делегация. Несомненно, что важнейшим поводом к проведению переговоров послужил конфликт в Пригородном районе. Возможность для переговоров открыли решения VII съезда народных депутатов России [2].

Весной и в начале лета 1993 г. характерное для страны противостояние законодательной и исполнительной ветвей власти, происходящее в условиях неразвитого разделения властей (включая и судебную), приняло в Чечне форму роспуска парламента президентским аппаратом. В борьбе с оппозицией президентом и его сторонниками были применены вооруженные силы. Данные о числе убитых в вооруженном столкновении противоречивы: от 7 до 50 человек.

Таким образом, среди всех субъектов Российской Федерации именно Чеченская Республика провозгласила в одностороннем порядке и продолжает упорно отстаивать свою независимость, даже вопреки тяжелейшим социально-экономическим издержкам [3]. При этом наиболее продвинутые на пути

национально-государственной сепарации республики России, например Республика Татарстан, придерживаются более умеренной концепции ассоциированного с Россией государства. Следует упомянуть и о насыщенной политической деятельности Чеченской Республики на Северном Кавказе, где она претендует на роль регионального лидера, и о заметной коммерческой и криминальной активности этнических чеченцев на территории собственно России за пределами политических границ Чечни.

Подобная конфигурация политических событий, реализующих то, что в других регионах России наблюдается в виде одной из тенденций, нуждается в объяснении.

Общее объяснение национально-политических процессов, происходящих на территории бывшего СССР, дают современные теории национализма [4]. Согласно выводам ряда специалистов, переход от аграрного типа общества к индустриальному вызывает у народов, вовлеченных в этот процесс, стремление совместить политические и этнокультурные границы, что предоставляет серьезные преимущества при освоении достижений индустриальной стадии развития. Логика подобного рода концепций такова: индустриализация неизбежно порождает национализм, который «конструирует» национальную культуру, нацию и создает предпосылки для формирования национального государства [5].

Для понимания политических событий в Чеченской Республике, особенно на фоне общероссийских политических процессов, этого вывода совершенно недостаточно. Ведь очевидно, что эта республика, в отличие, например, от Татарии не относится к числу передовых в индустриальном отношении регионов, где в первую очередь следовало бы ожидать распространения идеологии национализма [6]. Кроме того, существует определенный набор форм политической самостоятельности (территориальная автономия, субъект федерации), которые дают простор для национального развития, не пресекая выгодные политико-экономические связи, как это происходит в результате достижения политической независимости. Можно предположить, что своеобразный ход современного политического развития Чеченской Республики предопределен уникальной комбинацией исторических, социально-экономических, этнических, демографических, психологических и иных факторов, в силу исторической случайности сконцентрированных на территории именно этой небольшой республики. При этом возникает своеобразный эффект усиления одних факторов за счет действия других. Попробуем рассмотреть эти факторы.

Первое, о чем следует упомянуть, это ожесточенное сопротивление российской территориальной экспансии на Северном Кавказе в XVIII — первой половине XIX в. В ходе этого сопротивления было создано теократическое протогосударственное образование — Имамат Шамиля, ставшее центром консолидации большей части чеченского народа [7]. В результате Чечня стала одним из последних территориальных приобретений Российской империи на Северном Кавказе, у чеченского народа возникли традиции общечеченской государственности, вооруженной борьбы против России, а также в какой-то степени и политического лидерства.

Важно также вспомнить о существовании Горской республики в 20-е годы нашего века. Это единственный пример политического объединения всего Северокавказского региона. Исторические примеры часто используются политиками в качестве руководства к действию, что проявляется и в политических задачах современной Конфедерации народов Кавказа. Правда, Чечня была в составе Горской республики недолго, образовав в конце 1922 г. собственную территориальную автономию. Однако этот исторический прецедент может позволить чеченским лидерам претендовать на роль объединителей Северного Кавказа.

Представляется, что в регионе существуют два возможных центра кристаллизации объединительных процессов: Чеченская Республика и Северная

Осетия. Обе эти республики обладают приличным по масштабам региона человеческим и достаточно развитым экономическим потенциалами. Северная Осетия заметно превосходит Чечню экономически, а Чеченская Республика имеет определенные геополитические преимущества: здесь сконцентрированы узлы коммуникаций, связывающих весь Северный Кавказ и ведущих в Закавказье. Следует напомнить и об экономической специализации Чечни на производстве авиационных масел (около 90% в России), являющихся в настоящих условиях товаром стратегического характера. Кроме того, внутриполитическая жизнь Осетии отягощена проблемами ирредентизма (Южная Осетия) и территориального конфликта с Ингушетией. Несомненным препятствием к осуществлению Северной Осетией роли регионального лидера является и иноверческое (православное) вероисповедание большинства ее населения на фоне преобладающей у коренных народов Северного Кавказа исламской культурной традиции.

Конечно, роль религиозного фактора в современном политическом процессе не следует преувеличивать, но нельзя и преуменьшать, о чем будет сказано далее. Сейчас остановимся на вопросе о перспективах объединительного движения в Северокавказском регионе.

На наш взгляд, объединительные процессы на Северном Кавказе имеют хорошую перспективу, более того, они необходимы для интенсивного социально-экономического развития региона. Проблема заключается в том, каким будет направление объединительного процесса, определяющее характер возможного объединения. В настоящее время существуют две концепции этого процесса: 1) политическое объединение национальных республик Северокавказского региона и 2) экономическое объединение этих республик, а также Краснодарского и Ставропольского краев, т. е. создание системы региональной экономической интеграции. Конечно, направление объединительного процесса зависит от многих причин, в том числе и от позиции российских федеральных властей. Так, если центр и впредь станет тормозить процессы реальной федерализации страны, а тем более оказывать политическое (не говоря уже о военном) давление на республики региона, шансы на их политическое объединение, которое будет иметь выраженный антироссийский характер, неизмеримо возрастут. Однако при оптимальном развитии политических событий, как нам представляется, проект создания региональной интеграционной системы имеет большие преимущества. Рассмотрим аргументы в пользу этого вывода.

Важнейшим препятствием для политического объединения республик Северного Кавказа — создания федеративного или конфедеративного государства — является национализм большинства народов региона, т. е. их стремление к объединению в рамках своих национальных государств. При этом политическое лидерство любого из народов или национальных государств региона может рассматриваться как «большее зло» по сравнению с «меньшим злом» — политическим лидерством далекой Москвы. Следует напомнить и о намечающихся тенденциях к ирредентизму среди как адыгских, так и тюркских народов региона (у последних выражена и пророссийская ориентация). Экономическая же интеграция при сохранении политической самостоятельности в рамках Российской Федерации имеет существенные преимущества благодаря внутрирегиональному разделению труда и экономической специализации каждой из республик. Уменьшение производственных издержек всегда выгодно и производителям и потребителям продукции. Кроме того, для экономической интеграции нет серьезных политических препятствий, нужны лишь желание и умение договориться о ценах, тарифах, налогах, пошлинах, объеме товарооборота и других подобных вещах на основе обоюдной выгоды.

Таким образом, можно сделать вывод, что определенное рядом причин стремление Чеченской Республики к политическому лидерству в регионе малопродуктивно и при наиболее вероятном развитии политических событий

способно породить местные конфликты и, по законам инверсии, античеченские настроения. Представляется, что факт исключения из названия Конфедерации народов Кавказа слова «горские», который можно интерпретировать как призыв к широкому межнациональному диалогу, а также начало весной 1993 г. в Пятигорске и Кисловодске переговорного процесса, имеющего общерегиональный характер, свидетельствуют о создании минимально необходимых политических условий для формирования Северокавказской региональной интеграционной системы.

Обратимся теперь к религиозному фактору. Насколько нам известно, Чечня наряду с Дагестаном является важнейшим центром исламской культуры на Северном Кавказе. Существует здесь и опыт теократии, т. е. исламского государства. По нашим данным, в настоящее время политическая роль ислама в Чечне сравнительно невелика. Он оказывает заметное влияние лишь во внешнеполитических связях республики, имеющих южную направленность. Вместе с тем следует отметить, что специфические особенности мусульманского вероисповедания, в первую очередь «высокого ислама», делают эту религию потенциально пригодной для обоснования национализма и национально-государственного суверенитета. Один из исследователей ислама пришел к следующему выводу: «...В мусульманском мире... национализм, строящийся на едином анонимном территориальном сообществе, принимает доктрины, бывшие ранее достоянием духовного слоя, с гордостью и без колебаний» [8].

В этом качестве религиозный фактор уже проявился на территории некоторых союзных республик бывшего СССР и автономий бывшей РСФСР. Следует предположить, что и в Чеченской Республике ислам будет усиливать свои позиции, обосновывая курс ее лидеров на независимое государственное существование. Этого не отрицают и чеченские специалисты, которые видят возможность развития в республике исламского фундаментализма под влиянием политических связей с Ираном и другими странами Ближнего и Среднего Востока. При этом южная ориентация внешней политики Чечни во многом обусловлена тем, что Россия блокирует развитие отношений с Западом.

Важной политической особенностью Чеченской Республики является современная конфигурация ее государственных границ, в целом совпадающих с этническими границами чеченского народа. Более того, эти границы были расширены в годы советской власти за счет присоединения казачьих земель, еще в 20-е годы не воспринимавшихся как собственно чеченские [9]. И впоследствии шла «реколонизация» чеченцами и ингушами территорий, находившихся в пользовании казачества.

Местное казачество компактно проживает в Наурском и Шелковском районах (Среднее Притеречье), которые ранее входили в Ставропольский край, а в 1956 г. были переданы Чечено-Ингушетии в обмен на Пригородный район. Согласно Закону «О реабилитации репрессированных народов», в случае перехода Пригородного района в состав Ингушетии эти два района Притеречья должны автоматически перейти в Ставропольский край. Это крайне невыгодно для Чеченской республики, устами своего руководства провозгласившей незыблемость границ Чечни. В этом контексте более понятно, почему Чеченская Республика не оказала поддержки Ингушетии во время конфликта с Северной Осетией (конечно, первостепенную роль здесь сыграла концентрация российских войск на чеченской границе).

Наурский и Шелковский районы активно заселяются чеченскими переселенцами еще с 1956 г. Среди русского и местного ногайского населения идет борьба за передачу районов в состав Ставропольского края. Однако отток русского населения ведет к постепенному уменьшению его доли. В настоящее время русские и казаки составляют большинство в Шелковском районе, но уже утратили его в Наурском. Другой район традиционного проживания казачества — Сунженский, находящийся на границе между Ингушетией и Чечней. Он, собственно говоря, является спорным, что может использоваться

Чеченской Республикой для давления на Ингушетию. Отток русских отсюда особенно заметен. Их взаимоотношения с ингушами и чеченцами имеют резко конфликтный характер. Так, в апреле 1990 г. в ст-це Троицкой произошло столкновение между казаками и ингушами, в результате чего погибло семь русских жителей и были сожжены многие дома станицы. Для этого района можно прогнозировать (при сохранении политической ситуации) полную смену населения уже в ближайшее время [10].

Эта в общем-то случайная в условиях имевшего место хаотического изменения границ ситуация породила следующие существенные политические преимущества Чеченской Республики:

1. Отсутствие проблемы ирредентизма, т. е. объединения народа, разделенного политическими границами [11]. Отметим, что ирредентизм является важным фактором, удерживающим некоторые другие республики Северного Кавказа в составе Российской Федерации.

2. Невыраженность пограничных конфликтов с соседними республиками, что предотвращает распыление сил.

3. Возрастающая (вследствие как «развода» с Ингушетией, так и усиливающегося выезда русско-казачьего населения) моноэтничность Чеченской Республики, доминирование чеченского этноса на ее территории. Моноэтническое государство — не только идеал национализма, но и важнейший фактор достижения политической самостоятельности. Красноречивое свидетельство этому — Азербайджан, Грузия, Молдавия и особенно субъекты бывшей федеративной Югославии, чей путь к независимости отягощен конфликтами с этническими меньшинствами. В этом контексте понятна политическая осторожность Дагестана, а также Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

В 1940-е годы, как известно, чеченский народ среди примерно десятка других народов бывшего СССР подвергся массовой депортации за пределы своей исторической родины. Актуальные последствия этой трагедии заключаются, на наш взгляд, в следующем: во-первых, сохранились вполне понятные обида и недоверие к России и русскому народу, усиливающие стремление к политической независимости; во-вторых, и на этот факт надо обратить особое внимание, в результате депортации [12] произошло как бы психологическое «освоение» российского социального, экономического и политического пространства. Достаточно напомнить о той заметной роли, которую играют на общероссийской политической арене такие представители чеченского народа, как Руслан Хасбулатов или Сажи Умалатова. Сам первый президент Чечни Джохар Дудаев — в прошлом боевой российский генерал. Если воспользоваться исторической аналогией, которая часто помогает глубже осмыслить современные события, то можно назвать Д. Дудаева «чеченским Маннергеймом». Кажется очевидным, что избрание Дудаева президентом было во многом определено именно его службой и жизнью вне Чечни, в России. Речь идет как об отсутствии у Дудаева прочных кланово-родственных связей в пределах Чеченской Республики, так и об известном явлении повышения «градуса» национальных чувств у тех групп интеллигенции, которые утратили на какое-то время непосредственную связь со своим народом.

Важнее для нас, однако, не индивидуально-психологические, а массово-психологические последствия указанного «освоения» России. В самых общих чертах речь может идти о том, что Россия стала для чеченского народа вполне «понятной», прогнозируемой, не пугающей своими огромными размерами. Здесь срабатывает принцип: «понятно — значит не страшно, а при случае можно и померяться силами». Не случайна в этом контексте столь высокая активность в России чеченского коммерческого и криминального элементов.

Наконец, последний фактор (а точнее — их комплекс) современной политической ситуации и развития политических процессов в Чеченской Республике

связан со спецификой социально-экономической и культурной модернизации Северокавказского региона в годы советской власти.

Под модернизацией обычно понимается процесс трояко рода. Во-первых, модернизация связывается с развитием новых (не традиционных для региона) объективированных форм культуры: технологий и производств, городов, средств коммуникации и т. д. Модернизация в этом смысле равнозначна индустриализации и урбанизации. Во-вторых, модернизация включает рецепцию не свойственных традиционному аграрному обществу (и по преимуществу вестернизированных) социально-политических институтов, таких, как система школьного и высшего образования, политический строй, основанный на разделении властей и многопартийности, единая для всего общества социально-профессиональная структура и прочее. В-третьих, модернизацию связывают с определенными социально-психологическими сдвигами, формирующими иной, не характерный для аграрного общества тип привычек, стереотипов, психологических реакций. Наиболее очевидным образом третий аспект процесса модернизации проявляется в демографическом поведении, в частности в переходе от высокого уровня рождаемости к низкому (так называемый «демографический переход»).

Следует сразу же сказать, что если бы не началась в годы советской власти модернизация/индустриализация Чечни, то в настоящее время проблема независимости Чеченской Республики, вероятно, и не стояла бы в повестке дня. С другой стороны, если бы процесс модернизации в этом регионе завершился, т. е. если бы были сформированы адекватные для современного общества социальные и политические институты, а также психологические реакции населения, то чеченский сепаратизм принял бы иные, менее радикальные, более гибкие формы. Иными словами, незавершенность модернизационных процессов определяет здесь (как, впрочем, и в других республиках Северного Кавказа и в ряде «окраинных» республик бывшего СССР) не само направление национально-политического движения, а его форму, не избегающую чрезмерного радикализма и конфликтности.

Мы не будем приводить конкретные цифры, характеризующие течение модернизационных процессов в Чеченской Республике. Отметим лишь ее заметное отставание в этом смысле от многих других регионов России: оно проявляется в высокой рождаемости, ведущей к преобладанию в популяции людей нетрудоспособных возрастов и аграрному перенаселению; в численном преобладании сельских жителей над горожанами; в сравнительно невысоком уровне (а в определенной степени и качестве) образования; в деформированной социально-профессиональной структуре, имеющей повышенную долю сельскохозяйственных работников и интеллигенции в ущерб индустриальным рабочим.

Последний вопрос следует рассмотреть подробнее. Социально-профессиональная структура любого развитого общества определяется отраслевой структурой его народного хозяйства. В этом отношении социально-профессиональная структура населения России в целом заметно отстает от аналогичной структуры более развитых стран. Внутри России, однако, как и в рамках бывшего СССР, существует такой феномен, как «культурное разделение труда», выявленный американским этносоциологом М. Хечтером [13]. Суть его заключается в том, что на определенном этапе развития полиэтнического общества некоторые этнические группы как бы «специализируются» на конкретных видах деятельности. Такой специализацией обладают, например, русские и некоторые другие этнические группы, занятые преимущественно в индустриальных сферах производства.

М. Хечтер объяснял феноменом «культурного разделения труда» определенный разряд межэтнических конфликтов, связанных с конкуренцией различных национальных групп на рынке труда. На наш взгляд, однако, этот вывод лишь в минимальной степени может объяснить политическую ситуацию в Чеченской Республике. А при отсутствии или незначительности

такой конкуренции представляется весьма проблематичным комплектование рабочих мест в промышленности, освобождающихся в связи с выездом русских и русскоязычных рабочих, местными кадрами. Это один из серьезных источников экономической деградации, уже проявившийся, например, в Таджикистане.

В Чечне, как и в России, модернизация совершалась и совершается в условиях «догоняющего развития». Это означает, что скачок к новому обществу осуществляется в сжатые исторические сроки. В России интенсивная модернизация началась в 70-е — 90-е годы прошлого века и протекала на протяжении жизни трех-четырех поколений людей. Эти предельно быстрые исторические темпы объясняют совпадение во времени ряда черт традиционного аграрного и нового индустриального общества. В Чечне массированная индустриализация началась лишь в 30-е годы нашего века и осуществлялась на протяжении жизни одного-двух поколений. Поэтому здесь внутри «большого общества», обладающего такими характеристиками, как анонимность и формальность отношений между его членами, существуют и так называемые «малые общества», функционирующие на иных принципах — родства, свойства, землячества, взаимопомощи и взаимоподдержки. Речь идет о сохранившейся в республике тейповой (родовой) структуре. В этом контексте, на наш взгляд, следует рассмотреть такую наиострейшую проблему Чечни, как преступность.

Современный рост преступности в Чеченской Республике (как, впрочем, и в России в целом) имеет прямые аналогии с ситуацией, существовавшей в 20-е годы, когда «борьба с бандитизмом заслонила все очередные вопросы перед революционным комитетом автономной Чечни» [14]. Развитие преступности объясняется, конечно, не генетической склонностью чеченцев к нарушению закона, а более простыми и понятными причинами. Речь идет о слабости Чеченского государства, его бездействии и определенном попустительстве по отношению к преступникам. Где слаба государственная организация, там возрастает роль самоорганизации граждан, включая и самоорганизацию с криминальными целями.

Преступность в Чеченской Республике, возможно, и не стоило бы анализировать специально, если бы не отмеченный выше факт сохранения структур «малого общества» внутри гражданского общества Чеченской Республики [15]. Дело в том, что при аналогичных темпах модернизационного процесса нередки случаи, когда криминальные сообщества находят себе опору, модель для своего функционирования и воспроизводства именно в структурах «малого общества». Классический пример этого рода — сицилийская мафия, зародившаяся на базе большой патриархальной крестьянской семьи. Экономический кризис и слабость государства — наилучшая почва для становления подобного рода криминальных структур. Так, именно в условиях экономического кризиса итальянско-сицилийская мафия нашла питательную почву на территории США. Излишне говорить, что преступность подобного рода, организованная не просто в банды, а в «семьи» или «роды», практически неистребима и составляет серьезное препятствие для оптимального социально-экономического развития страны. Вместо государственной монополии на рынке может возникнуть еще более опасная частная монополия криминальных структур, сросшихся с государственными и коммерческими структурами.

Таковы, на наш взгляд, важнейшие факторы, уникальная комбинация и концентрация которых в Чеченской Республике в значительной степени и определяет своеобразие идущих здесь политических процессов. Несомненно, что и чеченские, и российские интеллектуалы, возможно, с разными политическими целями, в ближайшие годы будут неоднократно обращаться к истокам чеченского национализма и оценивать перспективы чеченской национальной государственности. Обратимся к этой проблеме и мы, поставив несколько вопросов.

I. Каков наиболее вероятный сценарий развития политических событий в Чеченской Республике в ближайшее время?

На наш взгляд, этот сценарий малоутешителен. Скорее всего, республика последует по пути Таджикистана и Грузии, т. е. здесь будет раскручиваться спираль внутреннего насилия. Уже сейчас в Чечне становится обычным выражение «враги народа» применительно к лидерам оппозиции. По данным печати, о своей независимости от Грозного объявил Надтеречный район, где проживают земляки и сторонники бывшего лидера Чечено-Ингушетии Завгаева [16]. В этой ситуации исполнительная власть Чеченской Республики будет вынуждена перейти к диктаторским методам руководства, но маловероятно, что она сумеет удержать контроль над ситуацией. Результаты этого развития событий вполне определенны: разруха, бегство населения, (как русского, так и нерусского) за пределы республики. Поскольку Чечня не имеет многочисленного иноэтнического населения, чтобы «канализировать» насилие, велика вероятность его «канализации» за пределы республики.

При этом наиболее благоприятный для республики вариант развития событий заключается в том, что все на длительный срок останется как сейчас: будет происходить медленная деградация до тех пор, пока общество не устанет или не произойдет «смена поколений» в политическом руководстве. Таким образом, как мы полагаем, в настоящее время перед республикой стоит выбор между «плохим» и «очень плохим» сценариями развития событий. Мы будем очень рады, если ошибемся в наших прогнозах.

II. Каким перед лицом этой угрозы должно быть оптимальное поведение чеченских властей?

На наш взгляд, чтобы избежать развития событий по наиболее вероятному «очень плохому» сценарию, республиканские власти должны чрезвычайно ответственно отнестись к своей роли. Следует наладить диалог между исполнительной и законодательной ветвями власти; добиться заключения хотя бы на короткий период (допустим, на полгода) перемирия между ними, например, сформировав временное правительство из представителей обеих ветвей; провести в обозримый срок перевыборы как исполнительной, так и законодательной властей; начать судебную реформу и перестройку правоохранительной системы в целом для борьбы с преступностью; осуществлять строжайший контроль за деятельностью как государственных, так и частных производственных и коммерческих структур. Это лишь небольшой перечень из списка чрезвычайных мер, обычно применяемых в подобной ситуации.

III. Какой должна быть позиция российского руководства, учитывая его незаинтересованность в полном политическом отделении Чеченской Республики?

Представляется, что основными принципами взаимоотношений России с Чечней в настоящее время должны быть: неприменение насилия и политического давления как против Чеченской Республики, так и в Северокавказском регионе в целом; невмешательство во внутренние дела Чечни; инициация и углубление переговорного процесса как с Чеченской Республикой, так и в масштабах Северокавказского региона; подготовка к приему и обустройству возможных беженцев, так же, как и другие формы компенсации издержек в политических взаимоотношениях с Чечней (в частности, поиск новых источников приобретения нефтепродуктов). Кроме того, существенную роль играют развитие федеративных отношений в масштабах всей страны, помощь северокавказским республикам в урегулировании территориальных конфликтов.

IV. Какова ближайшая перспектива российско-чеченских взаимоотношений?

В настоящее время существует чрезвычайно узкое пространство для политического маневра как чеченской, так и российской сторон. Чечня, по всей вероятности, будет придерживаться курса на полную политическую независимость как минимум до смены общественного настроения или лидеров [17]. При этом осознается, по крайней мере в кругах чеченской интеллигенции, что это достаточно длительный процесс, который может занять все 90-е годы. Следует отметить осторожное отношение интеллигенции, даже не

состоящей в оппозиции, к нынешнему лидеру Д. Дудаеву. Вместе с тем существует мнение, что весомой альтернативной ему политической фигуры пока нет. Поэтому заметная часть чеченских интеллектуалов с пониманием относится к силовой политике Дудаева, полагая, что у него нет выбора. Впрочем, в настоящее время в республике однозначно определить и обнародовать свою позицию могут позволить себе далеко не все.

Ограничителем чеченско-российских взаимоотношений с российской стороны сейчас является невозможность политического признания независимости Чечни и установления двусторонних межгосударственных договорных отношений. Этот шаг с большой долей вероятности может привести к «лавинообразному» неконтролируемому процессу территориального распада Российской Федерации за счет активизации существующих в ней сепаратистских тенденций. Распад России в лавинообразной форме равнозначен началу «великой смуты», которая будет значительно превосходить по разрушительной силе кровавые события в бывшей Югославии. Это прекрасно понимают российские, западные и некоторые чеченские политики. Вот почему дипломатическое признание чеченской независимости в настоящее время, до упрочения федеративных отношений в России, весьма нежелательно.

Вместе с тем в существующей ситуации для России чрезвычайно невыгодно и дальнейшее развитие политического кризиса в Чеченской Республике. Этот кризис серьезно дестабилизирует ситуацию на Северном Кавказе, да и в Закавказье. Возможно, часть российских политиков полагает, что кризис в Чеченской Республике послужит стимулом для возвращения Чечни в состав России. Но очевидно, что эффект будет иным: углубление кризиса в Чечне обернется «расползанием» конфликта по всему взрывоопасному Северокавказскому региону, послужит детонатором сильнейшего политического взрыва с непредсказуемыми последствиями. У России в ближайшее время явно не хватит сил, чтобы не только «потушить» этот пожар, но и просто устранить его последствия для территорий «континентальной» России (беженцы, разрыв экономических связей, развитие терроризма и т.д.).

Сказанное предполагает, что Россия имеет достаточно узкие рамки для политического маневра в отношениях с Чечней. Они фактически ограничиваются непризнанием политической независимости Чечни, с одной стороны, и поддержкой любого дееспособного правительства Чеченской Республики — с другой. Речь идет в первую очередь об экономической поддержке, заключении различного рода временных (срочных) экономических договоров, развитии неофициальных связей, возможно, при посреднической роли субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе, которые сейчас имеют вполне самостоятельные отношения с Чеченской Республикой. Этой позиции придерживаются и наиболее дальновидные чеченские политики. В новой Конституции России необходимо установить возможную форму будущего вступления Чечни в политический союз с Россией (ассоциация, или договорные отношения). Следует учесть, что ассоциация является переходной формой к полной независимости или к включению в состав федерации.

Успех российской политики в отношениях с Чечней и в целом на Северном Кавказе зависит и от такого фактора, как работоспособность российской государственной машины. Пока, по словам бывшего министра юстиции России Н. Федорова, «конфронтация превратилась у нас в своеобразный вид государственного строительства» [18]. Остается тайной, какие государственные органы принимают важнейшие политические решения, насколько эти решения проработаны, как сказывается на принятии этих решений лоббирование различных парламентских и внепарламентских группировок «по интересам». В этих условиях невозможно проведение продуманной политики, исходящей из интересов российского общества в целом.

V. Какие фундаментальные факторы будут в дальнейшем определять

социально-экономическое и политическое развитие Чеченской Республики в аспекте ее взаимоотношений с Россией?

Представляется, что это следующие факторы. Геополитическое расположение республики и наличная система коммуникаций, предопределяющие, что большинство ее связей с внешним миром может осуществляться через территорию Российской Федерации. Специализация Чечни на производстве и переработке нефти и зависимость республики от российского рынка энергоносителей и нефтепродуктов. Малые размеры территории и небольшая численность населения Чеченской Республики, а следовательно, ее неизбежное «паразитирование» на социально-профессиональной структуре и институтах (например, образования) более крупного государства. Россия здесь выступает наиболее естественным партнером, так как промышленный персонал и техническая документация чеченской индустрии русскоязычны. Политическая изоляция Чеченской Республики на международной арене, причем при продуманной политике России эта изоляция вряд ли будет прорвана в обозримый срок. Следует добавить, что завершение модернизации Чеченской Республики будет протекать наиболее естественно лишь при российском участии (включая прием и обустройство избыточного сельского населения Чеченской Республики).

Эти факторы естественно определяют необходимость российско-чеченского партнерства в тех политических формах, которые будут удовлетворять обоих субъектов взаимоотношений. Нельзя сказать, что Чечня, даже с учетом упомянутых факторов, не имеет альтернативы налаживанию политических отношений с Россией. Альтернатива есть, это аграризация и автаркизация экономики за счет разрушения российско-чеченских связей; политическая ориентация на страны «третьего мира» исламской традиции; усиление религиозного фундаментализма во внутриполитической жизни. Иными словами, этот курс будет означать утрату многого из того, что достигло чеченское общество за последние десятилетия своего развития.

VI. Каковы возможные варианты социально-экономического развития Чеченской Республики на отдаленную перспективу?

В настоящее время чеченское руководство и интеллигенция чрезвычайно озабочены экономической ситуацией в республике. Речь идет о падении производства, особенно нефтедобычи, уровня жизни, о фактической экономической блокаде со стороны России (что не касается поставок нефти на нефтеперерабатывающие заводы Грозного — из Тюмени и Казахстана), изношенности оборудования на нефтеперерабатывающих заводах и т. д. Запасы нефти в республике еще достаточно велики, но в большинстве своем залегают в глубинных пластах, трудных для разработки. Экономически Чечня ориентирована на Россию, и эту ориентацию трудно изменить. Вместе с тем существующая отраслевая структура Чеченской Республики, по мнению чеченских интеллектуалов, далеко не оптимальна и была навязана Россией. Чечня по преимуществу не имела ощутимых выгод от добычи нефти, но при этом расплачивалась за нее кризисной экологической обстановкой, высокой детской смертностью, повышенной заболеваемостью населения и др.

Однако, насколько нам известно, в республике не имеется ни проектов кардинальной структурной реорганизации чеченской экономики, ни вообще каких-либо концепций перспективного развития Чечни. По инерции сохраняется ориентация на развитие традиционных отраслей: сельского хозяйства (способного обеспечить жителей продуктами питания), нефтедобычи и нефтепереработки, в том числе и глубокой (химическая промышленность, парфюмерия и т. д.), производства оборудования для нефтяной и химической промышленности.

На наш взгляд, структурная реорганизация чеченской экономики должна происходить более радикально, чему может способствовать и существующий экономический кризис. При планировании социально-экономического развития Чечни следует сместить акценты с первичного на вторичный и третичный

секторы экономики. Представляется, что здесь было бы перспективным развитие высокоспециализированного сельского хозяйства (животноводства мясного и молочного направления, садоводства с глубокой переработкой продукции местной пищевой промышленностью), формирование рекреакционной инфраструктуры и рынка услуг, включая транспортные услуги. Конечно, еще долгие годы сохранится специализация чеченской промышленности на добыче и переработке нефти. Однако развитие этой отрасли чеченской индустрии должно происходить не экстенсивным путем, т. е. за счет увеличения объемов, а интенсивным — при улучшении технологий и увеличении глубины переработки нефтепродуктов. Определенную перспективу имеет развитие трудоемких отраслей типа электронной сборки, способных привлечь избыточное население и включить Чечню в систему международного разделения труда. Возможна здесь и специализация на проведении банковских операций в масштабах России или СНГ. Конечно, эти структурные изменения могут проходить только в обстановке полной политической стабильности.

Примечания

[1] Этим опросам, фиксирующим общественное мнение в республике, не следует придавать чрезмерно большого значения, так как неизвестны процедура их проведения, формулировки вопросов, распределение мнений среди социально-профессиональных и демографических групп населения и т. д. (Как можно судить на основе данных печати, наиболее радикальные позиции разделяются сельскими жителями. На селе сконцентрированы и основные сторонники правительства Д. Дудаева.) Эти опросы проводятся в условиях политической нестабильности и усиленной пропаганды независимости через средства массовой информации. Для примера следует сказать, что на Украине общесоюзный референдум показал стремление населения остаться в составе СССР, а проведенный вскоре украинский референдум выявил совершенно противоположные тенденции.

[2] О результатах встречи, фактически дезавуированных в результате роспуска парламента Чеченской Республики, см.: Этнополитический вестник России. 1993. № 2. С. 44—46.

[3] «По сравнению с 1991 годом валовой национальный доход уменьшился на 67,8%, национальный доход на душу населения — на 65,3%. Реальные доходы на душу населения снизились в 4 раза, прибыли в целом по республике — на 72%, а товарооборот уменьшился на 68%. Промышленные предприятия и сельское хозяйство стоят на грани полного развала, инфраструктуры здравоохранения, образования и науки уже практически не существует». См.: *Музаев Т.* Дудаев идет ва-банк//Независимая газета. 1993. 8 июня. С. 3. Выступавшие на конференции «Россия и Чечня» (Москва, 1993 г.) чеченские специалисты в целом подтвердили наличие в республике социально-экономического кризиса. Однако Чечня все-таки пока имеет определенный «резерв прочности» для выживания. Реальное потребление населения, особенно потребление продуктов питания, если и снизилось, то не катастрофически благодаря «натурализации» экономики, сельского характера расселения большинства чеченцев.

[4] В настоящей работе понятие «национализм» используется в западной традиции словоупотребления, согласно которой оно не несет какого-либо оценочного смысла, а применяется для обозначения особого рода идеологии, связанной со стремлением к созданию национальной государственности.

[5] См.: *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991; см. также: *Перепелкин Л. С., Шкаратан О. И.* Экономический суверенитет республик и пути развития народов: теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни//Сов. этнография. 1989. № 4; *их же.* Экономическая модернизация и национальное возрождение//Общественные науки и современность. 1991. № 2.

[6] Наши подсчеты, дающие представление об уровнях социально-экономического развития республик Российской Федерации, см.: *Перепелкин Л. С.* Истоки межэтнического конфликта в Татарии//Мир России: социология, этнология, культурология. 1992. Т. 1. № 1.

[7] Аналогичную роль играла и созданная 30 ноября 1922 г. чеченская территориальная автономия, имевшая почти исключительно чеченское население. См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. «Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9—12 июня 1923 г.». Стенографический отчет. М., 1992. С. 196—199 (выступление руководителя чеченской автономии Эльдерханова).

[8] *Геллнер Э.* Указ. раб. С. 175.

[9] Упомянем следующее высказывание чеченского лидера 20-х годов Эльдерханова: «Когда к автономной Чечне присоединяли казачий район, находящийся в окружении чеченскими землями, то представитель казачества ... заявлял: если это станет фактом, то казакам придется выселиться, ибо они задохнутся от чеченского бандитизма». См.: Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 198.

[10] Современные проблемы и вероятные направления развития национально-государственного устройства Российской Федерации/Руководитель исследовательской группы *А. Н. Ямсков.* М., 1992.

[11] Небольшая чеченская группа (чеченцы-аккинцы) проживает в пределах Дагестана. Так как эта группа была возвращена на свою историческую родину недавно и при полной лояльности к этому процессу дагестанского руководства, то маловероятно, что в ближайшее время проблема чеченского ирредентизма станет актуальной.

[12] В этом контексте следует вспомнить и о широком развитии среди чеченцев уже в советские годы отхожих промыслов в Россию. Это явление объясняется особенностями модернизационных процессов на Северном Кавказе и прежде всего наличием избыточного населения в сельской местности.

[13] *Hechter M.* Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British Development, 1536—1966. L., 1975. P. 30.

[14] Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 197.

[15] Отметим еще один аспект этой проблемы. Размах насилия в Чечне, в том числе и государственного насилия, до недавнего времени сдерживался именно обычаями «малого общества», прежде всего традицией кровной мести. В июне 1993 г., когда готовилась данная статья, эти шлюзы, похоже, прорваны. Обычай же кровной мести может стать важнейшим фактором эскалации насилия в республике. «С импровизированных трибун, со страниц газет, радио и телевидения звучат фамилии кровников, которым объявляется месть родственниками убитых». См.: *Леонтьева Л.* Пиррова победа генерала Дудаева//Московские новости. 1993. 13 июня. № 24. С. 12.

[16] См.: *Дементьева И.* Чечня: Одинокий волк в стае?//Известия. 1993. 16 июня. С. 5.

[17] Возможно, Д. Дудаев постарается перехватить инициативу ведения переговоров с Москвой у чеченских парламентариев, поскольку это жизненно необходимо и для Чеченской Республики и для упрочения его власти. Какова в этом случае наиболее вероятная «концепция Дудаева»? Скорее всего, она будет заключаться в признании полной независимости Чечни и заключении конфедеративного договора с Российской Федерацией (см.: *Леонтьева Л.* Указ. раб.). На большие уступки Дудаев пойти вряд ли сможет, опасаясь обвинений в государственной измене. Но эта концепция сейчас явно неприемлема для российской стороны, поэтому трудно ожидать политического урегулирования российско-чеченских отношений в ближайшее время. Отметим, что Москва более склонна к поддержке, в том числе и финансовой, лидеров оппозиции. Это объясняется близостью подходов российских политиков и чеченских оппозиционеров к формам политического разрешения конфликта. Так, известный чеченский политик и коммерсант Я. Мамодаев «относительно проекта договора с Россией... разделяет позицию Москвы на 90 процентов его содержания» (См.: *Леонтьева Л.* Враг номер один президента Дудаева//Московские новости. 1993. 20 июня. № 25. С. 12).

[18] *Федоров Н.* Не хочу любить слепо//Московские новости. 1993. 13 июня. № 24. С. 7.

The Chechnya Republic: Current Social and Political Situation

Political analysis of Chechnya separatism is given in the present paper. It is shown that unique combination of historical, economic, social, political, cultural and other factors caused the leading role of this Republic in separatism movement in Russia. But as it concluded in the article, there are no serious reasons for this Republic to be an independent state. Moreover, in the author's view today's situation is a basis for violence escalation in nearest future. Some recommentadions on preventing possible internal conflict in Chechnya and on stabilization relations with Russia are given here.

L. S. Perepyolkin

© 1994 г., ЭО, № 1

В. А. Юрченков

МАСТОРАВА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Этнополитическая ситуация в Мордовии характеризуется относительной стабильностью. В то же время в республике возникли и действуют общественно-политические движения, развитие и трансформация которых, как нам представляется, могут изменить существующее положение. Среди них общество национального возрождения «Масторава» («Родина-мать»), деятельность которого заслуживает внимательного анализа.